

Современные исследователи о роли иностранного капитала в Февральской революции

Вопрос о роли иностранного капитала в свержении самодержавия и прихода к власти Временного правительства относится к одним из наиболее дискуссионных в историографии Февральской революции 1917 г. в России. Он поднимался еще в дореволюционной литературе. Российские исследователи-экономисты в работах 1914 — 1917 гг. рассматривали такой аспект, как роль иностранного капитала враждующей страны в условиях войны. И. И. Левин писал: совершенно ясно, какую опасность представляют собой немецкие деньги в России в момент объявления войны; они будут немедленно востребованы, а хозяйство страны, и без того потрясенное, внезапно лишится крупных сумм¹. Кроме того, он считал, что война показала универсальность «германского засилья», т.е., повсеместное преследование германским капиталом политических задач².

В. С. Зив замечал, что в условиях войны германский капитал стремится найти новые формы. Для России, с его точки зрения, представляет опасность организованный германский акционерный капитал в союзе со специализированным германским трудом³.

В 1911 г. впервые вышла книга С. А. Нилуса, в дальнейшем четырежды переиздаваемая до января 1917 г., весной этот последний тираж был почти полностью уничтожен по приказу Временного правительства. В работе приводились тексты масонских протоколов, из которых следовало, что экономические кризисы неоднократно инспирировались с целью формирования условий, при которых государства вынуждены прибегать к внешним займам⁴. Главной целью этих займов являлось поставить страны в зависимость от кредиторов (сионских банкиров) через выплату процентов. Далее приводилось пояснение того, что поскольку внешний

¹ См.: Левин И. И. Германские капиталы в России. — Пг., 1918. Изд. 2-е. — С. 82.

² Там же. — С. 4.

³ См.: Зив В. С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. — Пг., 1915. — Вып. 1: Германские капиталы. — С. 9.

⁴ См.: Нилус С. А. Близ есть, при дверех... — М., 2004. — С. 160.

заем — это выпуск правительственных векселей, содержащих процентные обязательства пропорционально сумме заемного капитала, то государство выплачивает средства, перекрывающие изначально полученные, а долг так и остается непокрытым¹. Внешние займы, в данном контексте, трактовались как проявление государственной слабости и формирования отношений подданства займодавцу. На основании этого автор делал вывод, что составленная в XIX в. масонская программа в XX в. — планомерно и успешно реализуется.

В советской историографии одно время под влиянием взглядов И. В. Сталина доказывалось, что приток иностранных капиталов обусловил усиление зависимости царизма от западных кредиторов для захвата новых позиций в промышленности России². М. Я. Гефтер писал, что полуколониальный характер подчинения российской экономики «английским и американским финансовым группам виден из установки на добычу сырья (при сокращении, например, на Урале производства черных металлов). А также из паразитических приемов хозяйствования — хищническую разработку недр и получение в самые короткие сроки огромных дивидендов»³. Из этого делался вывод, что Февральская революция носила национальный характер и должна была освободить Россию от засилья иностранного капитала.

Современные исследователи доказывают, что специфика притока в начале XX в. в Россию иностранного капитала заключалась в том, что перед Первой мировой войной четко обозначились следующие тенденции: неуклонно снижалась доля иностранных инвестиций в производственной сфере. В то же время очень быстро рос внешний государственный долг России. Одновременно происходило упрочение позиций западного банковского капитала, зачастую тесно сотрудничавшего с российским.

К 1917 г. в промышленность России было вложено около 2,5 млрд. руб. иностранного капитала. Эти средства распределялись следующим образом: Франция — 31%, Англия — 24%, Германия — 20%, Бельгия — 13%, США — 5%⁴. Согласно данным А. Г. Донгара, английский, бельгийский и французский предприниматель-

¹ См.: Там же. — С. 161.

² См.: Гефтер М. Я. Из истории проникновения иностранного капитала в горную промышленность Урала и Сибири накануне первой мировой войны // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. — М., 1954. — С. 137.

³ Там же. — С. 138.

⁴ См.: Бобович И. М. Экономическая история России. 1861 — 1914: Учеб. пособие. — СПб., 1996. — С. 115; Века А. В. История России. — М., 2003. — С. 667.

ский капитал стремился к созданию собственных компаний, тогда как германский — преобладал в акциях российских обществ¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что доля участия иностранного капитала в промышленности России у различных исследователей варьируется: Франции — от 25% до 30%, Англии — от 22% до 32%, Германии — от 8% до 37% или в абсолютных цифрах это составляет: 38,5 млн. руб. и 378 млн. руб.²

По мнению Ю. А. Петрова, государственный долг России Германии на конец 1917 г. (без учета контрпретензий) составлял 1 345 млн. руб., а частные инвестиции и претензии — 721,6 млн. руб. В том числе: находящиеся в Германии акции российских акционерных обществ — 225 млн. руб., участие германского капитала в русских промышленных предприятиях — 200 млн. руб.³ Эти данные близки к известным данным П. В. Оля⁴. По расчетам Ю. А. Петрова, французские инвестиции составляли 731,7 млн. руб., английские — 507,5 млн. руб., германские — 441,6 млн. руб.⁵

Л. В. Сапоговской получены следующие цифры финансовых вложений в отечественную горнозаводскую промышленность: 1900 г. — отечественный промышленный капитал — 49,9%, иностранный капитал — 9,4% (остальные средства — дворяне, купцы, банки и т. д.). 1917 г. — отечественный промышленный капитал — 52%, иностранный капитал — 16%⁶. В 1910 г., по словам В. П. Тимошенко и А. Э. Бедела, иностранная доля составляла 19,9 млн. руб. — 31,5% всех вложений. В 1913 г. — 152,3 млн. руб., или 29% всех вложений, и в 1917 г. — 19%⁷.

Большинство акционерных обществ с немецким участием являлись филиалами однородных обществ в Германии. Эта форма была

¹ См.: Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. — М. 1990. — С. 36.

² См.: Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. — С. 20; Бовыкин В. И. Иностранное предпринимательство в России // История предпринимательства в России / Книга 2. Вторая половина XIX — начало XX века. — М. 1999. — С. 110.

³ См.: Петров Ю. А. Проблемы государственного долга и частные германские инвестиции в России. // Экономическая история России XIX — XX вв.: современный взгляд. — М., 2000. — С. 160.

⁴ См.: Оля П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. — Пг., 1922. — С. 9.

⁵ См.: Петров Ю. А. Проблемы государственного долга и частные германские инвестиции в России. — С. 160.

⁶ См.: Сапоговская Л. В. Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX — XX вв. — Екатеринбург. 1993. — С. 51.

⁷ См.: Тимошенко В. П., Бедель А. Э. Опыт использования иностранных инвестиций в хозяйственном развитии страны. — Екатеринбург. 1998. — С. 12.

особенно развита в химической, электротехнической и металлургической промышленности, т.е. в тех отраслях производства, где германский капитал имел доминирующее значение¹.

Характерной чертой американского предпринимательства стало использование появившихся в США крупномасштабных корпораций, интегрировавших в интересах массового спроса производственные и сбытовые функции. Британские корпорации, устремившиеся в Россию в 1900-е гг., тоже, по мере вхождения в хозяйство страны, проявляли склонность к сотрудничеству с местными банковскими группами².

По расчетам Л. В. Сапоговской, в 1917 г. 46,7% уральских фирм было связано с банковским капиталом, доля иностранного капитала в 1917 г. в фирмах с высоким уровнем концентрации производства и капитала составляла 16%³. В медной промышленности финансовая общность ряда предприятий была установлена группой Вогау, с другой стороны, тенденция к трестированию была заложена в деятельности англо-русской финансовой компании, так называемой Кыштымской корпорации⁴.

Г. С. Моисеев описывает деятельность торгового дома «Вогау и К°», который сначала сосредоточил в своих руках всю реализацию уральской меди. Затем, путем договоров с синдикатом «Медь», с необъединенными заводами, а также через договоры с медеплавильными заводами, постепенно становился центром медного рынка, монополизировав покупку, продажу и экспорт меди за границу⁵.

Цифры внешнего публичного долга России к началу первой мировой войны (в 1913 г.) в публикациях варьируются от 8 млрд. руб.⁶ до 12,7 млрд. руб.⁷ И. А. Дьяконовой подсчитано, что на 1 января 1914 г. долг России составлял 8,8 млрд. руб. Из этой суммы, как она пишет, на государственные займы (срочные и бессрочные)

¹ См.: Дьяконова И. А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М. 1997. – С. 124.

² См.: Бовыкин В. И. Иностранное предпринимательство в России. – С. 125.

³ См.: Сапоговская Л. В. Уральская горнозаводская промышленность на рубеже XIX — XX вв. – С. 52.

⁴ См.: Там же. – С. 168.

⁵ См.: Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917 — 1945 гг.). – Екатеринбург. 2003. – С. 12.

⁶ См.: Бобович И. М. Экономическая история России. – С. 114; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. – М., 1997. – С. 100.

⁷ См.: Мотревич В. П. Экономическая история России. – Екатеринбург. 2003. – С. 246.

приходилось примерно 5,7 млрд. руб. и железнодорожные займы — около 3,1 млрд. руб.¹

Иностранные займы превратились в инструмент, при помощи которого выкачивались из страны созданные в ней накопления. Кроме того, авторами отмечается, что до начала XX в. удельный вес заграничных вложений в российские ценные бумаги неуклонно возрастал. Темпы их роста обгоняли темпы роста производимого в России национального продукта. Следовательно, зависимость ее экономики от иностранного капитала возрастала².

По данным В. П. Мотревича, к октябрю 1917 г. внешний долг России составил 16 млрд. руб., на оплату одних только процентов требовалось ежегодно 3 млрд. руб., т.е. сумма, равная всему государственному бюджету России в 1913 г.³ В 1913 г. из 19 крупных банков России — 11 были основаны на иностранном капитале, на них приходилась значительная часть средств (более 3 млрд. руб.)⁴.

В том, что касается государственных займов России — представители различных концептуальных подходов единодушны во мнении об опасности кредиторской задолженности и ее отрицательном влиянии на российские национальные интересы. Это обосновывается теми аргументами, что только на выплату процентов требуются суммы, сопоставимые со всем государственным бюджетом, а также при размещении новых займов дает возможность добиваться от страны-должника дипломатических и военно-экономических уступок⁵. В то же время они приходят к диаметрально противоположным выводам о том, какую роль иностранный капитал сыграл в событиях конца 1916 — начала 1917 г. в России.

М. В. Назаров в своих работах проводит подробный анализ механизма финансирования российских революций. По его сведениям, в годы Первой мировой войны у еврейских банкирских домов в разных странах были свои, не всегда совпадавшие интересы, но

¹ См.: Дьяконова И. А. Довоенный публичный долг Российской империи // Финансы. — 1998. — № 6. — С. 69.

² См.: Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. — С. 104.

³ См.: Мотревич В. П. Экономическая история России. — С. 270.

⁴ См.: Выбор пути. История России 1861 — 1938 гг. — Екатеринбург, 1995. — С. 221.

⁵ См.: Дмитриев А. В. Иностранный капитал на Урале // Урал. — 1993. — № 4. — С. 166; Сметанин С. И. История предпринимательства в России. Курс лекций. — М., 2004. — С. 172; Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. — С. 12.

в одном они были солидарны — царская Россия рассматривалась как единственная страна, против которой надо вести войну¹. В числе главных финансистов революций в России, со ссылкой на книгу американского профессора Э. Саттона, М. В. Назаров называет связанных между собой партнерскими, и часто родственными, отношениями кланы Варбургов, Морганов, Рокфеллеров, Шиффов².

Данным автором указаны и основные пути денежных потоков: во-первых — целевые кредиты, главным образом, из США и других «нейтральных» стран³. Во-вторых — банковские проводки, в частности, через международные Русско-Азиатский, Сибирский и другие банки⁴. И, наконец, непосредственная передача средств исполнителям на целевые расходы⁵.

М. В. Назаров делает вывод, что главной целью войны было свержение российской монархии. Это, по его словам, выявилось в дни Февральской революции, когда — еще до отречения Николая II — 1 марта 1917 г. Англия и Франция официально заявили через своих послов, что «вступают в деловые отношения с Временным Исполнительным Комитетом Государственной Думы — единственным законным правительством России»⁶. Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж произнес в парламенте речь, опубликованную в российских газетах, где выражал огромную радость от свержения русского монарха и оттого, что начинается новая эпоха в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых в Европе и была начата война⁷. В марте 1917 г. российскими газетами была растиражирована цитата из «Дэйли ньюс», в которой говорилось, что «Февральская революция — величайшая из всех одержанных союзниками побед, этот переворот несравненно важнее, чем победа на фронте»⁸.

С точки зрения М. В. Назарова — Февральская революция произошла не потому, что тяготы войны стали невыносимы, а потому, что был очевиден успешный для России конец войны. Это заставило поторопиться русских заговорщиков из думских кулуаров

¹ См.: Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. — М., 2004. — С. 128.

² См.: Назаров М. В. Тайна России. — М., 1999. — С. 50–51.

³ См.: Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. — С. 130.

⁴ См.: Назаров М. В. Тайна России. — С. 56.

⁵ См.: Там же. — С. 50–52.

⁶ Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. — С. 132.

⁷ См.: Биржевые ведомости. 1917, 8 марта.

⁸ Новое время. 1917. 12 марта; Утро России. 1917, 9 и 12 марта.

и их зарубежных покровителей, т.к. после победного окончания войны свергнуть монархию было бы значительно труднее¹.

Другие авторы высказывают мнение о том, что, несмотря на засилье иностранного капитала, в 1916 г. промышленность России, перестроенная на военный лад, в целом обеспечивала нужды фронта², который к этому времени оправился от первых потерь и стабилизировался вдали от жизненно важных центров Российской Империи.

Д. В. Гаврилов в исследовании по геополитической стратегии в первой мировой войне указывает, что в 1916 г. в России был создан мощнейший военно-промышленный потенциал, который остался невостребованным в связи с революциями 1917 г. и выходом из войны. При этом он ссылается на мнение У. Черчилля, являвшегося тогда военным министром Великобритании и написавшего, что к 1917 г. — «долгие отступления русской армии закончились..., фронт был обеспечен и победа — бесспорна... Россия пала, держа победу уже в руках»³.

Данные процессы значительно ускорились во время мировой войны. К 1917 г. объем зарубежных инвестиций сократился примерно на треть и не превышал 20% всех средств в отечественной промышленности, тогда как размер задолженности по внешним займам вырос многократно. Положение иностранного и международного финансового капитала в период войны оставалось достаточно стабильным.

Е. А. Цыпина

Февральская революция и нэп: взгляд из 20-х гг. XX столетия

Изучение связи между этими двумя периодами в истории России представляет несомненный интерес. По словам В. А. Мау, «новая экономическая политика стала одной из фаз на сложном пути развития российской революции»⁴. В советское время многие исследователи проводили параллели между политикой весны 1918 г.

¹ См.: Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. — С. 134.

² См.: История России. Учебник. Изд. 2-е. — М., 2003. — С. 327.

³ Гаврилов Д. В. Урал в геополитической стратегии первой и второй мировых войн // Горнозаводский Урал XVII — XX вв. Екатеринбург, 2005. — С. 449.

⁴ Мау В. А. Нэп в контексте российской революции // Нэп: приобретения и потери. — М., 1994. — С. 43.